

АРГУМЕНТАЦИЯ В ПРАВЕ И МОРАЛИ

Коллективная монография

Под редакцией Е.Н. Лисанюк

УДК 316.2
ББК 60.51
А 79

Рецензенты

Тимошина Елена Владимировна — доктор юридических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Суровцев Валерий Александрович — доктор философских наук, Томский государственный университет.

Авторы

Антонов М.В. к.ю.н., Блохин П.Д. к.ю.н., Гайдамакин А.А. к.тех.н., Денисенко В.В. к.ю.н., Касаткин С.Н. к.ю.н., Кислов А.Г. к.филос.н., Лазаревич А.А. к.филос.н., Ларионов И.Ю. к.филос.н., Лисанюк Е.Н. д.филос.н., Микиртумов И.Б. д.филос.н., Невважай И.Д. д.филос.н., Перов В.Ю. к.филос.н., Полдников Д.Ю. д.ю.н., Самохина Е.Г. к.ю.н., Сатохина Н.И. к.ю.н., Соболева А.К. к.ю.н., Чуешов В.И. д.филос.н., Чуешов К.В., Шуман А.Н. к.филос.н.

А 79 Аргументация в праве и морали. Коллективная монография / Под ред. Е.Н. Лисанюк. — СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2018. — 521 с.

ISBN 978-5-905966-86-6

В книге представлены результаты новейших научных исследований отечественных и зарубежных авторов в области юридической и моральной аргументации как практической аргументации о действиях. Показано, каким образом участники судебных споров и нравственных дискуссий осуществляют аргументацию на практике, какие критерии оценки аргументации они используют, какую роль в практической аргументации играют социальный контекст, наука и искусственный интеллект; дан философско-методологический анализ ряда резонансных дел.

Результаты исследований найдут применение в ИТ-приложениях в сфере социальной практики и гуманитарного знания и внесут вклад в развитие гражданского общества и совершенствование нравственной культуры, включая технологии электронной демократии, электронного правосудия, а также в повышение доступности социальных услуг, в том числе юридических.

Монография адресована философам, правоведам, практикующим юристам, специалистам в области искусственного интеллекта, управления и менеджмента, педагогам, а также широкому кругу читателей, интересующихся «секретами» построения рассуждений и оценки аргументации в области права и морали, ее историей и современным состоянием.

ББК 60.51

ISBN 978-5-905966-86-6

© Коллектив авторов, 2018
© ИД «Алеф-Пресс» СПб., 2018

Глава III

Логика норм в аргументации

Лисанюк Е.Н.
Санкт-Петербург

Логическая теория норм

***Аннотация.** Логические теории норм, излагаемые в этом параграфе, относятся к философской логике и бывают четырех видов: (1) деонтическая логика, рассматривающая нормы абстрактно; (2) логика нормативных систем как кодексов норм; (3) мультиагентная деонтическая логика нормативных отношений между агентами; и (4) логика действий с деонтическими операторами, исследующая нормы с точки зрения их применения в качестве правил социального регулирования и в смысле ограничений, накладываемых на выбор агентом линии поведения в некоторой ситуации. Наиболее абстрактный подход к нормам — это деонтическая логика, представляющая собой разновидность модальной логики с нормативными, или деонтическими, модальностями, которые широко распространены в рассуждениях в области морали и права. Деонтические модальности, такие и как «обязательно», «позволено» и «запрещено», указывают на характер нормы — один из основных ее структурных элементов. В деонтической логике нормы понимают как особый случай оценок, и выражают деонтическими предложениями, описывающими ситуации и действия с учетом их нормативной квалификации, как обязательные, дозволенные или запрещенные.*

В логике нормативных систем нормы — это правила и установления, регулирующие социальную жизнь людей в обществе. Логика нормативных систем изучает особенности применения совокупностей норм к обобщенным ситуациям и поступкам людей, например, каким образом судебное решение обосновано при помощи действующих норм, принадлежащих данному нормативному кодексу. Мультиагентная деонтическая логика изучает не ситуации или действия, а нормативные отношения между рациональными агентами — субъектами таких отношений как власть, ответ-

ственность, обязанность, право и т.п. Логика действий с деонтическими модальностями, или акциональная деонтическая логика, занимается моделированием поведения агента в условиях существования норм, например, моральных или правовых. Она представляет собой многосортную теорию, включающую специальные ветвящиеся графы, изображающие действия агента как альтернативные линии его поведения, и деонтические модальности, трактуемые как ограничения, накладываемые на эти альтернативы. В строгом смысле чисто логической теорией норм является только деонтическая логика, изучающая особенности отношения логического следования в умозаклечениях, содержащих деонтические предложения в качестве посылок и заключения. Логика нормативных систем, мультиагентная деонтическая логика нормативных отношений и акциональная деонтическая логика для моделирования поведения рациональных агентов в условиях норм являются прикладными теориями, они опираются на формализмы, разрабатываемые в лоне деонтической логики. И акциональную деонтическую логику, и логику нормативных систем можно понимать как логический анализ нормативных кодексов или совокупностей норм. Они различаются в том, что первая исследует нормы с точки зрения участника, принимающего на их основе решение о том, как следует поступить, а вторая делает это с позиции стороннего наблюдателя за созданием, существованием и применением кодексов норм. Деонтическая логика абстрагируется от позиций наблюдателя или участника, и изучает формальные отношения между нормами через посредство понятий логического следования и логического значения (истины и лжи) для деонтических предложений, выражающих нормы.

Ключевые слова: деонтическая логика, деонтические модальности, нормативные системы, нормативные отношения, мультиагентная логика, логика действий, акциональная логика, агент.

Выходец из Африки Абрам Ганнибал был ординарец и секретарь царя Петра I. По легенде, Пётр руководил Абрамом при помощи царских указов, один из которых гласил, что Абрам должен 5 дней в неделю неотлучно находиться при Петре для исполнения поручений царя. Другим указом Пётр позволял Абраму по субботам и воскресеньям отдыхать, в том числе посещать питейные заведения, что Абрам очень любил, но отдельным указом царя по рабочим дням ему это строго воспрещалось под страхом наказания поркой. Покидая Абрама по своим царским делам, руководить ординарцем Пётр поручал своему министру Александру Меншикову, для чего тот мог издавать распоряжения. Распоряжения Меншикова были во всем как указы Петра, разве что распоряже-

ния министра не могли отменить указов царя. Однажды во время отсутствия Петра Меншиков издал распоряжение, чтобы Абрам исполнял его поручения также и по субботам. Однако указом Петра по субботам Абраму дозволялось отдыхать и выпивать, что запрещено было в рабочий день. Как должен вести себя Абрам по субботам, чтобы и не прогневить царя Петра и не ослушаться его могущественного министра Меншикова?

Чтобы ответить на этот вопрос, уточним, какие нормы регулируют поведение Абрама. В этой вымышленной истории¹ указы Петра содержат три нормы, адресованные Абраму, и одну норму, адресованную другим подчиненным царя:

П₁1 *Обязательно исполнять поручения по рабочим дням 5 дней в неделю (Петр, Абрам).*

П₁2 *Позволено отдыхать и выпивать по субботам и воскресеньям (Петр, Абрам).*

П₁3 *Запрещено отдыхать и выпивать по рабочим дням (Петр, Абрам).*

П₁4 *Обязательно карается поркой нарушение запрета П₁3 Абрамом (Петр, подчиненные).*

Распоряжение Меншикова составляет одну норму, адресованную Абраму:

М₁1 *Обязательно исполнять поручения по субботам (Меншиков, Абрам).*

У Абрама есть три линии поведения на выбор. Первая линия поведения Абрама (АА) состоит в том, чтобы подчиниться норме М₁1 ценой отказа от похода в питейное заведение в субботу, что ему позволено содержащейся в царском указе нормой П₁2. Однако такой поступок рискует прогневить царя, потому что будет означать, что распоряжение Меншикова М₁1 для Абрама фактически имеет большую силу, чем царский указ, и хотя своими действиями Абрам не нарушает норму П₁2 из указа Петра, фактически его поступок ее отменяет. Вторая линия поведения АБ такая: Абрам не подчиняется норме М₁1, сославшись на указы Петра, содержащие нормы П₁1 и П₁2. Этим он рискует рассердить Меншикова, однако в этом случае своими действиями он не нарушит главенства царских указов против распоряжений министра. Наконец, третья линия АВ заключается в том, чтобы попытаться найти компромисс между царскими указами и распоряжениями министра. В субботу Абрам может от-

¹ Основа для этого примера позаимствована из [Булыгин, 2016], где речь идет о Короле, Министре и Подданном.

правиться в питейное заведение, в соответствии с P_2 , но только после того, как исполнит все субботние поручения Меншикова в соответствии с M_1 . В этом случае Абрам рискует подпасть под действие нормы P_4 из указа Петра, однако это произойдет лишь при условии, что Петр, во-первых, признает силу распоряжения Меншикова равной по силе своему указу, т.е. решит, что нормы M_1 и P_2 имеют равную силу, и, во-вторых, в нормы P_1 и P_3 Петр внесет соответствующие поправки касательно субботы как рабочего дня. Таким образом, чтобы избрать какую-либо из трех линий поведения АА, АВ или АВ, что равнозначно ответу на вопрос 4, сформулированный ниже, Абраму прежде нужно ответить на вопросы 1-3:

1) какие из норм, адресованных Абраму, выполнимы вместе, а какие нет;

2) как устроена иерархия нормативных систем, образованных указами Петра и распоряжениями Меншикова;

3) каким образом связаны между собой нормативные отношения между Петром и Меншиковым, Меншиковым и Абрамом, Абрамом и Петром, устанавливаемые указами и распоряжениями;

4) какой линии поведения следует придерживаться Абраму Ганнибалу.

Эти четыре вопроса демонстрируют четыре аспекта норм, изучаемых при помощи различных логических теорий. Логические отношения между нормами, такие как следование, совместимость или несовместимость составляют предмет исследования всякой логической теории, но в деонтической логике, изучающей нормы в аспекте (1), они формируют предмет ее исследования эксклюзивно, или в чистом виде, а логические теории, изучающие нормы в аспектах (2) – (4) носят прикладной характер и развивают предмет деонтической логики инклюзивно каждая по-своему.

В содержательном и методологическом ракурсах деонтическую логику можно назвать логикой рационального порождения норм и нормативных кодексов, как полагал основатель деонтической логики Г. фон Вригт [Von Wright, 1991: 265–266]². Эвристическая ценность этих формализмов заключается в том, что они выступают идеальными образцами для создания кодексов норм. Они призваны показать, каким образом должен быть устроен кодекс норм, чтобы его нормы, с одной стороны, охватывали бы во всей полноте

---

² Идеи деонтической логики как особой ветви модельной логики появились в XIV в., первое жизнеспособное деонтическое исчисление предложил фон Вригт в 1951 г. [Лисанюк, 2010а], [Лисанюк, 2010б].

сферу деятельности, для регулирования которой они предназначены, исключая пробелы, и, с другой стороны, были бы совместно выполнимы во избежание конфликтов норм, затрудняющих их применение на практике. Например, кодексы норм Петра и Меншикова, состоящие соответственно из множеств норм $\{П_1, П_2, П_3, П_4\}$ и $\{М_1\}$ каждый по отдельности соответствуют этому идеалу, однако объединяющий оба множества кодекс $П_1 + М_1 = \{П_1, П_2, П_3, П_4, М_1\}$ ему не соответствует из-за того, что нормы $П_2$ – $П_3$ и $М_1$ невыполнимы вместе, и поэтому Абраму затруднительно избрать линию поведения, а Петру будет непросто вынести справедливое решение о наказании Абрама за неисполнение нормы.

Логические теории нормативных систем, изучающие нормы в аспекте (2), представляют собой формализованные теории упорядоченных множеств норм, при помощи которых можно моделировать создание, существование и изменение нормативных систем — совокупностей кодексов норм [Альчуррон, Бульгин, 2013: 193–202]. Например, если к кодексу норм $П_1 = \{П_1, П_2, П_3, П_4\}$, сформированному указами Петра, присовокупить норму $М_1$, содержащуюся в распоряжении Меншикова, то для устранения возникшего конфликта норм $П_2$ – $П_3$ и $М_1$ необходимо внести «законодательные» поправки. Для этого Петр может внести изменения в нормы $П_1$ и $П_2$ или повысить статус распоряжений Меншикова до уровня царских указов, дозволит его распоряжениям вносить поправки в свои указы. С формальной точки зрения добавление новой нормы в кодекс, как и удаление нормы из него или замена одной нормы на другую — все модификации множества норм связаны с логической операцией взятия следствий на данном множестве. Если добавление новой нормы $М_1$ в кодекс $П_1 = \{П_1, П_2, П_3, П_4\}$ осуществлять в соответствии с тем, как рекомендует логическая теория нормативных систем, то конфликта норм не возникнет, потому что перед добавлением необходимо проверить два множества норм $\{П_1, П_2, П_3, П_4\}$ и $\{М_1\}$ на прямую и непрямую совместимость. Проверка прямой совместимости дает ответ на вопрос, выполнимы ли совместно все нормы вновь образуемого множества, а проверка непрямой совместимости — на вопрос, совместимы ли логические следствия объединяемых множеств. Так, избрание Абрамом одной из линий поведения АА и АВ будет означать, что проверка прямой совместимости дала отрицательный результат, и проверка непрямой совместимости не потребовалась. Избрание линии АВ говорит о том, что первая проверка дала положительный результат, а вторая — отрицательный.

Между Петром и Меншиковым, а также Петром и Абрамом Ганнибалом имеются несимметричные нормативные двусторонние отношения, так что на полюсе Петра находится власть, Меншиков и Абрам ответственны перед ним за свои действия, а Абрам отвечает также и перед лицом Меншикова. Двустороннее отношение *Власть* (Петр, Абрам) неотделимо от двустороннего отношения *Ответственность* (Абрам, Петр). Аналогичным образом обстоит дело для пары (Меншиков, Абрам). Это означает, что Петр полномочен издавать нормы, адресованные Меншикову и Абраму, а также требовать от них обоих отчета об их исполнении. Помимо этого, Петр наделяет соответствующими властными полномочиями Меншикова по отношению к Абраму, при этом власть Меншикова на Петра не распространяется, и Меншиков по-прежнему не полномочен по отношению к Петру, а Абрам не полномочен по отношению к ним обоим. Отношение *Ответственность* (Абрам, Петр) несовместимо с отношением *Не-полномочие* (Петр, Абрам), и аналогично для пар (Меншиков, Петр) и (Абрам, Меншиков). Избрание Абрамом какой-либо линии поведения из трех означает, что он должен будет установить трехстороннее отношение власти, ответственности и не-полномочия на множестве {Петр, Меншиков, Абрам}. Избрание линии поведения АБ подразумевает следующую властную иерархию: Петр > Меншиков > Абрам, и это ничего не меняет в парах отношений, описанных выше. Линия АА основана на иной иерархии: Меншиков > Петр > Абрам, что ставит под сомнение отношение *Власть* (Петр, Меншиков) и указывает на *Право* (Меншиков, Петр), т.е. право Меншикова издавать распоряжения, отменяющие указы Петра, и на вытекающую из этого *Обязанность* (Петр, Меншиков) — обязанность Петра принять изменения в своих указах, внесенные распоряжениями Меншикова. Избрав линию АВ, Абрам установит иерархию Петр, Меншиков > Абрам, где Петр и Меншиков будут равными по силе авторитетами норм. Особенности подобных нормативных двусторонних и многосторонних отношений в аспекте (3) изучает мульти-агентная логика с деонтическими модальностями [Lindahl, 1977], [Lindahl, Odelstadt, 2013], [Boella, Pigozzi, van der Torre, 2009]³.

Моделирование поведения рационального агента в условиях норм в аспекте (4) предполагает создание специального формализ-

---

³ Мультиагентная деонтическая логика фокусируется на логическом изучении таких понятий, как власть, обязанность, полномочие, право, доверие и т.п., подразумевающих нормативные отношения между агентами, см., например, [Logini, Demolombe: 2009]. Истоки этого подхода лежат в так называемом «хофельдовом анализе» нормативных понятий [Hohfeld, 1946], [Гайдамакин, 2016].

ма, выразительные возможности которого не только учитывают деонтические ограничения поведения, моделируемые при помощи деонтических модальностей, как в деонтической логике (1), но и позволяют установить отношения предпочтения между альтернативными действиями и отношения приоритета между нормами. При помощи подобных логик можно анализировать логические отношения между нормами и кодексами, но не абстрактно, как в деонтической логике (1), и не с точки зрения нормативного авторитета, издавшего те или иные нормы, как в логической теории нормативных систем (2), а с точки зрения субъекта норм — агента, например, с точки зрения Абрама в ракурсе его поведения в контексте указов Петра и распоряжений Меншикова, или с точки зрения Петра — в ракурсе его поведения в связи с P_3 и P_4 . Это означает конструирование агент-ориентированной ветвящейся в будущее модели альтернативных линий поведения для данного агента и формирование специального ситуативного подмножества норм упорядоченного относительно ранжированных по степени предпочтительности целей, которых агент намеревается достичь своими действиями. Так, если Абрам более всего предпочитает быть лояльным власти, будь то царю или Меншикову, то он изберет линию AA и отклонит линии AB и AV. Явным образом эта линия не нарушает ни одной из норм, содержащихся в указах царя и распоряжениях Меншикова, потому что царским дозволением в P_2 Абрам волен как воспользоваться, так и не воспользоваться. Вместе с тем неявным образом избрание AA будет означать, что приоритетными для него являются нормы P_1 – P_4 по сравнению с M_1 . Если же Абрам предпочтет выпивку, то он сначала отклонит линию AA и далее будет выбирать между AB и AV. В зависимости от того, что для него следующее по важности после выпивки, он выберет AB, если это лояльность царю в большей степени, чем Меншикову, или AV, если это лояльность и Меншикову и царю. Логические теории, исследующие поведение агентов в условиях норм, — это ответвления логики действий или динамической логики [Horty, 2001], [van Benthem, Liu, 2013].

Каждая из логических теорий норм, о которых шла речь выше, развивает свое специальное понятие нормы, сконструированное, с одной стороны, на основе широкого философского понятия нормы, и, с другой стороны, с учетом наиболее абстрактного узкого понятия нормы в деонтической логике. Философское понятие нормы, если исключить из него идею технической нормы, определяет норму как предписание или правило поведения в определенных ситуациях,

адресованное определенному субъекту — рациональному агенту [Ивин, 1973: 21], под которым в социальной реальности понимают людей и институты, а в последнее время также и элементы искусственного интеллекта. В этом широком смысле норма — наиболее распространенный в социальной практике способ регулирования действий и ситуаций. Таковы нормы права и морали, разнообразные предписания, содержащиеся в законах, правила, характеризующие отдельные области знания и деятельности людей, например, правила грамматики или игры в футбол, технологические инструкции, например, что нужно сделать, чтобы построить дом, устроиться на работу или вылечить простуду, а также правила поведения, например, правила вежливости или делового этикета.

В языке нормы могут быть сформулированы по-разному, как приказ, т.е. предложение в повелительном наклонении *Абрам, доставь письмо!*, как деонтическое предложение *Обязательно, что Абрам доставляет письмо*, или указание посредством предложения в изъявительном наклонении *Абрам должен срочно доставить письмо* и т.п. Независимо от словесной формы выражения нормы подразумевают прескриптивное употребление слов и выражают предписания о том, что должно, или может, или не должно быть исполнено. Другим необходимым свойством норм является то, что нормы изданы одним или несколькими агентами — рациональными существами, называемыми нормативной инстанцией или авторитетом нормы, как Петр или Меншиков, и адресованы одному или нескольким агентам — также рациональным существам, называемым субъектами нормы, как Абрам или другие подчиненные царя, которым нормы предписывают, запрещают или позволяют выполнение каких-либо действий или достижение тех или иных положений дел. Под агентами — авторитетами и субъектами норм, обычно подразумевают людей или созданные ими институты, а последнее время также и ИТ-продукты.

В деонтической логике (1) норма — это разновидность модальной оценки применительно к действию или положению дел. И деонтическая логика и другие три группы логических теорий норм изучают их в узком смысле — как предписания, созданные людьми и закрепленные в каком-либо кодексе, что включает в себя нормы права, морали, поведения и т.п., но оставляет за рамками рассмотрения технологические инструкции и правила отдельных областей знания и деятельности. Таковы указы Петра и распоряжения Меншикова, а правила правописания, в соответствии с которыми они

написаны, относятся только к нормам в широком, но не в узком смысле. Производственные регламенты и стандарты качества для изготовления бумаги, перьев и чернил, использованных для издания указов и распоряжений — эти технические нормы, от которых абстрагируется и философское и деонтическое понятие нормы⁴.

Наиболее абстрактный подход к нормам — это деонтическая логика (1), представляющая собой разновидность модальной логики с нормативными, или деонтическими, модальностями, которые широко распространены в рассуждениях в области морали и права. Деонтические модальности, такие и как «обязательно» — О, «позволено» — Р и «запрещено» — F, указывают на характер нормы — один из двух основных ее структурных элементов. Несмотря на то, что существует несколько различных (групп) логических операторов для выражения деонтического характера норм [Кислов, 2013], [McNamee, 2010], в зависимости от характера нормы делятся всего на две группы, обязывающие, куда входят и запреты, и позволяющие; в деонтических системах соответствующие операторы называют сильными и слабыми. Нормы Π_1 , Π_3 , Π_4 и M_1 — обязывающие, при этом норма Π_3 — негативная обязывающая, или запрещающая, а норма Π_2 — позволяющая. Вторым неотъемлемым элементом является содержание нормы, выражающее действие или ситуацию, которую норма требует, дозволяет или запрещает. В деонтической логике (1) нормы выражают модальными деонтическими предложениями, описывающими ситуации и действия с учетом их нормативной квалификации, как обязательные, дозволенные или запрещенные. В логических теориях норм (2) — (4) под нормой понимаем предписание, касающееся действий или ситуаций, и устанавливающее, что такое-то действие обязательно, позволено или не позволено (запрещено) для выполнения, или что такая-то ситуация должна, может или не может быть достигнута.

⁴ Правила идеала, такие как «воин должен быть отважным», напоминают технические стандарты, однако, несмотря на то, что между ними имеются существенные различия, ни те, ни другие не относятся к обсуждаемым здесь понятиям норм в силу своей тривиальности — первые невыполнимы, а вторые, наоборот, всегда выполняются. Правила идеала — это образцы абстрактного совершенства, которое в большинстве случаев недостижимо, а технические стандарты — выражение конкретных требований для изготовления изделий, фиксирующие минимум мастерства, необходимого для их производства. Философское и логическое понятия нормы не изучают правила идеала по причине их принципиальной недостижимости, составляющей их суть. Технические стандарты находятся за рамками этих понятий норм по противоположной причине, потому что выполняются всегда, если изделие изготовлено. Несоответствие изделия техническому стандарту означает, что оно не было произведено или не может быть использовано по назначению.

Все четыре группы логических теорий норм, деонтическая логика (1), теория нормативных систем (2), мультиагентная деонтическая логика (3), деонтическая логика действий (4) относятся к философской логике и представляют собой разделы логики, смежные с философией, лингвистикой, информатикой и изучающие логическими методами проблемы этих наук, связанные с регулированием рационального поведения людей. Философская логика представляет собой своего рода расширение того, что понимается под формальной, символической, классической или математической логикой, в том смысле, что методы и приемы, выработанные в логике, а также сами логические теории, применяются для анализа указанных проблем, включая создание специальных формализмов для конкретных предметных областей. Деонтическая логика развивает наиболее абстрактное понятие нормы посредством консервативного расширения немодальных исчислений, таких как логика высказываний или логика предикатов первого порядка, за счет добавления к ним деонтического фрагмента — определений, аксиом и правил, содержащих деонтические модальности. Логическая теория нормативных систем (2) развивает базовое деонтическое понятие нормы из деонтической логики (1), трансформируя абстрактную модальную оценку в элемент социальной реальности, выраженной в кодексах норм. Мультиагентная деонтическая логика (3) распространяет деонтическое понятие нормы на сферу социальных отношений между субъектами норм, а деонтическая логика действий (4) трактует норму как алгоритм или часть алгоритма поведения рационального агента.

Широкое философское понимание нормы допускает ее различные онтологические трактовки, например, гилетическую, когда в норме видят некую мысленную сущность наподобие платоновского эйдоса, не связанную необходимым образом с каким-то конкретным материальным субстратом, хотя и подразумевающую существование такового для издания нормы и обеспечения ее действительности; экспрессивную, или прагматическую, когда норму отождествляют с речевым действием, приказом, командой или императивом, посредством которого она сформулирована [Альчуррон, Булыгин, 2013b]; коммуникативную, согласно которой норма — это одна из форм социального общения между членами общества [Поляков, 2004]; эмотивистскую, в соответствии с которой норма является разновидностью отношения одного члена социума к другому [Петражицкий, 2010]. Наиболее абстрактное и узкое понятие

нормы в деонтической логике (1) не делает различия между этими философскими подходами к пониманию норм. Это понятие отвлекается от словесной формулировки нормы, социального контекста и формы ее издания, ее агентных особенностей — от того, кто является авторитетом и кто — субъектом нормы, как если бы для всякой нормы все эти аспекты были одинаковы, будучи в равной степени несущественными для логического анализа нормы. Все это в той или иной мере стремятся учесть прикладные логические теории норм, к которым относятся теории (2) — (4). Так, эмотивистская и коммуникативная концепции норм находят выражение в мультиагентной логике с деонтическими модальностями (3) [Лисанюк, 2015], экспрессивная концепция — в логической теории нормативных систем (2), а также в прагма-деонтических логиках, выступающих расширениями логики действия [Карпов, 2015].

Отличительная особенность логических теорий норм состоит в том, что нормы изучают в аспекте умозаключений и следования. Следование, или переход от посылок к заключению, — это центральная категория всякой логики, в том числе логической теории норм, где в качестве структурных элементов умозаключений выступают выражения формального языка, обозначающие нормы и содержащие для этого деонтические операторы. Всякая логическая теория формулирует свое особенное формальное понятие следования, при помощи которого отбрасывает не соответствующие ему умозаключения как некорректные, а заключения корректных включает в множество истинных предложений, или теорем данной формальной теории. Логические значения, которых может быть два, «истина» (1) и «ложь» (0), как в классических теориях, или более двух, как в неклассических, играют важную роль в том, каким образом проводится граница между корректными и некорректными умозаключениями. Когда говорят, что заключение логически следует из посылок, подразумевается, что предпочитаемое, или выделенное, значение «истина» сохраняется при переходе от посылок к заключению. Для того, чтобы выделенное значение сохранялось при переходе от посылок к заключению, необходимо, чтобы, во-первых, все посылки были истинными, и, во-вторых, чтобы форма умозаключения обеспечивала перенесение значения «истина» от посылок к заключению независимо от содержания рассуждения. Аксиомы и правила логической теории обеспечивают выполнение второго условия, а ее семантическая модель дает возможность верифицировать выполнение первого.

Приписывание логических значений элементам формального языка логической теории осуществляется при помощи семантической модели — абстрактного формализма, отражающего и заменяющего собой предметную область, изучаемую данной теорией. В логических теориях норм чаще всего используют одну из трех наиболее распространенных семантических моделей — семантику «возможных миров» Крипке, теоретико-игровую или динамическую семантику. Посредством семантической модели философские представления об объектах реальности и отношениях между ними преобразуются в формализованные и становятся пригодным для того, чтобы эти объекты и отношения стали предметом изучения в логике. Будучи записанными на формальном языке логической теории, они становятся формулами этой теории, которым сопоставляется то или иное логическое значение на модели, и они могут выполнять функции посылок и заключений в рассуждениях.

Нормы в логических теориях выражены деонтическими предложениями, которым можно сопоставить логические значения «истина», если норма существует, или «ложно» — в противоположном случае. Например, предложения, выражающие нормы P_1 , P_2 и P_3 истинны, если соответственно во всех своих линиях поведения Абрам исполняет поручения царя 5 дней в неделю, хотя бы в одной линии поведения Абрам отдыхает и выпивает в субботу или в воскресенье, и среди линий поведения Абрама нет таких, где он отдыхает и выпивает по рабочим дням. Только будучи выражены при помощи деонтических предложений специального символического языка, нормы в логических теориях могут быть элементами умозаключений, посылок или заключений. Вот примеры таких умозаключений:

P_1 *Обязательно исполнять поручения по рабочим дням 5 дней в неделю (Петр, Абрам).*

Среда — рабочий день.

Значит, обязательно исполнять поручения в среду (Петр, Абрам).

P_2 *Позволено отдыхать и выпивать по субботам и воскресеньям (Петр, Абрам).*

Значит, позволено отдыхать по субботам и воскресеньям (Петр, Абрам) и позволено выпивать по субботам и воскресеньям (Петр, Абрам).

Эти умозаключения основаны на следующих постулатах — правиле и теоремах стандартной деонтической логики:

$$\begin{aligned} & \vdash (\phi \rightarrow \psi) \rightarrow O(\phi \rightarrow \psi) \\ & \models O\phi \rightarrow (O\psi \rightarrow O\phi) \\ & \models P(\phi \wedge \psi) \rightarrow (P\phi \wedge P\psi) \end{aligned}$$

В первом умозаключении вывод обоснован при помощи первых двух постулатов, а третий постулат обосновывает заключение во втором.

Истинность посылок и заключения верифицируется при помощи семантической модели, где истинность предложений, выражающих нормы Π_1 и Π_2 , подразумевает, как уже говорилось выше, что предложение, описывающее ситуацию выполнения Π_1 *Абрам исполняет поручения Петра по рабочим дням 5 дней в неделю* истинно во всех случаях, а предложение, описывающее ситуацию выполнения Π_2 *Абрам отдыхает и выпивает по субботам и воскресеньям* истинно хотя бы в одном случае. Такой способ верификации деонтических предложений, служащих посылками или заключениями, предполагает определенную связь между нормами и описательными предложениями, выражающими их выполнение, позволяющую логические отношения, устанавливаемые между этими описательными предложениями трактовать как отношения между нормами. Только при условии существования такой связи можно строить корректные умозаключения, включающие нормы в качестве структурных элементов.

Для логической теории в существовании подобной связи нет ничего необычного, это часть реализуемых при помощи семантических моделей процессов формализации исследуемой предметной области. Особенности использования семантических моделей в процессе формализации дают объяснение, почему столь распространена и столь устойчива дескриптивная трактовка элементов предметной области. Основных причин этому две. Первая причина заключается в том, что большинство семантических моделей, используемых в логических теориях, зиждется на корреспондентной теории истины как соответствия между описанием ситуации в формальном языке теории и фактом. Вторая причина, вытекающая из первой, состоит в главенствующей роли понятия ситуации или положения. Обе причины являются результатом методологического разграничения между философской и формальной онтологиями [Карнап, 1993].

В логических теориях, претендующих на анализ норм, обычно выделяют (а) действия агентов, (б) факты, выступающие условиями, целями или результатами действий агентов, и (с) «возможные

миры» — абстракции, отражающие реализацию действий и фактов. Эти три основных компонента онтологии, лежащей в основании семантических моделей логических теорий, связаны между собой следующим образом: «возможные миры» рассматривают как множества фактов, а действия сводят к множествам упорядоченных пар «возможных миров». В соответствии с этим всякое действие и норма отождествляется с упорядоченной парой <состояние мира до действия, состояние мира после действия>, так что в основании и того и другого оказываются факты, а точнее, положения дел [Ольховиков, 2009].

Это, однако, не означает, что таким же образом обстоит дело и в других областях знания, использующих логическую методологию. Часто бывает так, что представления здравого смысла об отношениях между действиями, нормами и ситуациями их выполнения или нарушения отличаются от того, каким образом эти отношения формализованы в логических теориях. Имеется две основные причины таких расхождений: содержание, вкладываемое в понятие нормы, и логические постулаты, например, непротиворечивости, полноты и др., которым должна отвечать формальная теория, чтобы быть состоятельной. Особенно остро подобные отличия проявляются в том, что касается отождествления норм с предложениями, выражающими их исполнение или неисполнение, что привело к так называемым парадоксам абсолютной деонтической логики, когда теоремы деонтической системы идут вразрез с обыденными представлениями⁵. Другие их проявления связаны с ограниченностью выразительных возможностей формальных языков логических теорий, что не позволяет адекватно и целостно формализовать широкое философское понятие нормы с учетом особенностей применения норм в социальной жизни. Эти ограничения существенны для создания многосортных или гибридных деонтических логик, например, с деонтическими и временными операторами [Караваев, 2005].

Принципиальное различие между деонтическим предложением и нормой заключается в их логических свойствах. Норма — это предписание (прескриптив), ее можно выполнить или нарушить, но ей нельзя приписать какого-либо логического значения при помо-

---

⁵ Абсолютные системы стандартной деонтической логики — это системы, где нормы выражены при помощи деонтического оператора над пропозициональной формулой, выражающей содержание нормы: $\hat{O}(p \wedge \neg q)$, $P(q \vee r)$, Fr . Парадоксы абсолютных систем связаны с ограниченными выразительными возможностями этих систем моделировать дизъюнктивные, условные нормы, а также отношениями между нормой, ситуацией ее нарушения и санкцией [Åqvist, 2002].

щи семантической модели, как это можно сделать с деонтическим предложением — дескриптивом, описывающим существование нормы. Деонтическое предложение, напротив, нельзя выполнить или нарушить, но оно может обладать логическим значением, и, значит, может быть элементом логических отношений с другими предложениями — отношений следования, совместимости, противоречия и т.п. По этой причине деонтические предложения, выражающие нормы из указов царя и распоряжений Меншикова, истинны или ложны в зависимости от описания ситуации, возникающей в результате поступков Абрама или других лиц, подчиняющихся им или нет. По этой же причине в строгом смысле нельзя сказать, что нормы P_3 и M_1 противоречат друг другу, ведь противоречие — это несовместимость предложений по логическому значению, а нормы представляют собой предписания и лишены логических значений, хотя и можно это утверждать в переносном смысле, имея в виду, что нормы P_2 – P_3 и M_1 невыполнимы совместно, и это по аналогии с несовместимостью логических значений можно называть противоречием:

P_2 *Позволено отдыхать и выпивать по субботам и воскресеньям (Петр, Абрам).*

P_3 *Запрещено отдыхать и выпивать по рабочим дням (Петр, Абрам).*

M_1 *Обязательно исполнять поручения по субботам (Меншиков, Абрам).*

Противоречивые пары составляют предложения, описывающие действия, реализующие их, или ситуации, возникающие после их выполнения:

Абраму позволено отдыхать и выпивать по субботам и воскресеньям [согласно норме P_2].

Абраму запрещено отдыхать и выпивать по рабочим дням [согласно норме P_3].

Неверно, что Абраму позволено отдыхать и выпивать по субботам, [потому что согласно норме M_1 суббота — рабочий день, и он обязан исполнять поручения Меншикова].

В отличие от самих норм P_2 – P_3 и M_1 , предписывающих определенные линии поведения Абраму, деонтические предложения, описывающие, что позволено делать Абраму, согласно P_2 , и что ему не дозволяется делать в силу обязательств, содержащихся в P_3 и M_1 , составляют противоречие и не могут быть вместе истинными. Похожим образом можно трактовать несовместимость совокупного

выполнения норм P_12 – P_13 и M_11 и считать это противоречием норм, хотя это будет расширительное употребление логического термина «противоречие», поэтому многие логики и праведы предпочитают говорить, что имеется конфликт норм P_12 – P_13 и M_11 .

Можно ли распространить на отношения между прескриптивно понимаемыми нормами содержательные выводы, полученные в ходе изучения логических отношений между описаниями действий по их выполнению (нарушению) или ситуаций, возникающих в результате их выполнения (нарушения)? Утвердительный ответ приравнивает нормы и описания действий и ситуаций и открывает перспективу логического изучения норм. Отрицательный ответ ставит под вопрос возможность такого изучения, потому что исключает установление логических отношений между нормами. Этот вопрос в философии права называют дилеммой Й. Йоргенсена по имени датского правоведа, впервые сформулировавшего его в середине XX в. [Jørgensen, 1938] Дискуссии по этому вопросу, продолжающиеся и по сей день, привели сначала к созданию логической теории нормативных систем (2) [Альчуррон, Бульгин, 2013а], в которой заимствованное из деонтической логики (1) понятие следования трактуется как одна из операций, определяемая на множестве норм. Впоследствии появились и другие прикладные логические теории норм (3) и (4), в которых роль логических отношений между нормами играют соответственно отношения между определенными понятиями, выражающие нормы, такие как право, власть, обязанность и т.п., и нормативные ограничения линий поведения агента.

Создание логической теории нормативных систем (2) было попыткой продемонстрировать, что дилемму Йоргенсена можно разрешить посредством построения двух логических теорий, деонтической логики (1) для деонтических предложений — описаний норм, и логической теории нормативных систем (2) — для (множеств) норм-предписаний [Alchourrón, 1969].

При этом логическая теория нормативных систем (2) претендовала быть подлинной логикой норм, и хотя в дальнейшем этой претензии не суждено было реализоваться, это не уменьшило эвристической ценности данной логической теории. Как оказалось, поскольку логические теории нормативных систем (2) используют определенное понятие логического следования, связанное с той или иной системой деонтической логики и соответствующей семантической моделью, постольку они так или иначе опираются на понятие нормы, символизируемое деонтическим предложением, как в деон-

тической логике (1) [Wolenski, 2016]. Тем самым было показано, что, во-первых, деонтическая логика изучает нормы наиболее абстрактно, и, во-вторых, логическая теория нормативных систем (2) развивает это абстрактное понятие нормы в направлении относительного понятия, взятого в связи с нормативным кодексом, в составе которого существует та или иная норма, что позволяет логически моделировать не только саму норму, но и представление об ее действительности (действительности) [Антонов, 2016].

Логическая теория нормативных систем (2) продемонстрировала, что дилемма Йоргенсена проводит методологическую границу не между возможностью и невозможностью построить логику норм, а между двумя подходами к пониманию норм, чистым, как в деонтической логике (1), и прикладным, как в остальных логических теориях норм (2), (3), (4), развивающих понятие нормы, заимствованное из деонтической логики. Соответственно, это граница между двумя группами логических теорий норм, в каждой из которых тем или иным способом устанавливаются логические отношения между нормами в каком-либо их аспекте. По этой причине граница, наметенная дилеммой Йоргенсена, не играет существенной роли в логических теориях, где функции нормы выполняет деонтическое предложение, наподобие того как немодальное предложение служит выражением пропозиции — мысли о некоем положении дел или факте в логике высказываний или логике предикатов. Провести эту границу важно в большей степени с точки зрения философии логики и методологии ее применения в других областях знания, например, в философии права и правоведении, когда речь идет о формально-логическом анализе юридической аргументации, или информатике, когда логические правила и приемы используются в юридических базах данных и IT-приложениях. Это также означает, что любую из логических теорий норм (1) — (4) можно назвать логикой норм в широком смысле, наподобие того, как говорят о логике действия или логике принятия решения, но ни одну из них нельзя назвать логикой норм в узком смысле — в том смысле, в каком мы говорим о формальных теориях, например, о пропозициональной логике, интуиционистской, алетической или первопорядковой логике.

Рассмотрим на примере норм Π_1 – Π_4 и M_1 , какие содержательные выводы можно сделать на основе их логического исследования средствами теорий (1) — (4).

Логический анализ наиболее абстрактного понятия нормы в деонтической логике (1), как видно из примеров умозаключений выше,

позволяет решить три задачи, касающиеся применения норм. Все три задачи связаны с выводением следствий. Первая из них, иллюстрируемая первым умозаключением из двух, заключается в том, чтобы определить, какие конкретно действия и ситуации соответствуют данным нормам, а какие — их нарушают. Путем выведения следствий можно применить нормы Π_1 – Π_4 , M_1 , трактуемые как родовые, к индивидуальным случаям, путем дедуцирования деонтических предложений, выражающих индивидуальные нормы, из деонтических предложений, выражающих родовые нормы Π_1 – Π_4 , M_1 . Индивидуальный случай — это описание некоторой реально существующей ситуации, например, что когда речь идет о субботе или среде, включая действующих лиц — что имеется в виду Абрам Ганнибал, а не кто-то еще из подданных царя и подчиненных Меншикова. Вторая задача — это уточнение непрямой совместимости норм через уточнение совместимости следствий, выведенных из деонтических предложений, выражающих родовые нормы. Эту задачу иллюстрирует второе умозаключение на основе нормы Π_2 . Третья задача исследует прямую совместимость норм и посредством одной из теорем относительной деонтической логики. В частности, она демонстрирует, что для Абрама не существует линии поведения, где он выполняет условные нормы Π_2 – Π_3 и M_1 , поэтому исполнить одновременно эти две группы норм у Абрама нет никакой логической возможности.

$$\models (O_\psi \neg \phi \wedge O_\psi \phi) \rightarrow O_\psi \neg \psi$$

Интерпретировать эту теорему можно следующим образом. Если обязательно, что (ψ) Абрам, выполняющий поручения по рабочим дням (согласно Π_1 и M_1), ($\neg \phi$) не выпивает по рабочим дням (согласно Π_3) и обязательно, что (ψ) Абрам, выполняющий поручения по рабочим дням, ($\neg \phi$) выпивает по рабочим дням (в силу дозволения Π_2 в субботу, объявленную рабочим днем согласно M_1), то обязательно, что (ψ) Абрам, выполняющий поручения по рабочим дням, ($\neg \psi$) не выполняет поручения по рабочим дням.

Таким образом, системы деонтической логики (1), правила и теоремы которых были использованы в этих трех умозаключениях, позволяют определить совместимость и несовместимость норм, а также уточнить, какие индивидуальные нормы вытекают из родовых норм применительно к данным случаям и ситуациям. Все эти содержательные выводы показывают направления тестирования нормативных кодексов в процессе их создания нормативным авторитетом, например, законодателем, на предмет применения содержащихся в них норм в конкретных случаях.

Рассмотрим содержательные результаты, которые можно получить при помощи логических теорий нормативных систем (2) в связи с двумя кодексами в нашем примере, Петра и Меншикова:

$$\begin{aligned} \Pi_1 &= \{\Pi_1, \Pi_2, \Pi_3, \Pi_4\} \\ M_1 &= \{M_1\}. \end{aligned}$$

Исследование кодексов норм посредством логических теорий нормативных систем (2) помогает решать две задачи: проверять совместимость кодексов и устанавливать иерархические отношения, или отношения приоритета между ними.

Начнем с первой задачи. Как уже говорилось, объединенный кодекс $\Pi_1 + M_1 = \{\Pi_1, \Pi_2, \Pi_3, \Pi_4, M_1\}$ несостоятелен, потому что имеется конфликт норм между Π_2 — Π_3 и M_1 . Предположим, что Петр решил внести поправки в свой кодекс, чтобы устранить этот конфликт. При этом он признает распоряжение Меншикова и не желает его отменить, хотя с логической точки зрения не признавать норму M_1 Меншикова и отменить ее было бы наиболее простым способом устранить конфликт норм. Что Петр должен сделать?

Логическая теория нормативных систем и примыкающая к ней теория изменения AGM говорят, что внесение подобной поправки осуществляется в три этапа⁶. Сначала нужно удалить из кодекса норму, которую планируется заменить новой нормой, удалив из него также и все ее следствия из удаляемой нормы, если они есть. Для этого нужно установить множество норм, из которых можно логически вывести удаляемую норму, и их тоже удалить. Наконец, нужно добавить новую норму и проверить ее прямую и непрямую совместимость с нормами, имеющимися в кодексе. В соответствии с этим, на первом этапе Петр должен удалить Π_2 , находящуюся в конфликте с M_1 , а на втором — норму Π_1 , потому что из Π_2 и Π_1 можно вывести дозволение Абраму отдыхать и выпивать в нерабочие дни, т.е. по субботам и воскресеньям, и из Π_3 и Π_1 — что имеет пять рабочих, когда обязательно выполнять поручения, и два вы-

⁶ Формальная процедура сокращения теории, содержательной интерпретацией которой выступает удаление нормы из кодекса, — это эффективная процедура, но во многих случаях она не дает уникального результата, т.е. может быть несколько подмножеств норм, которые порождают следствия, назначенные к удалению, и соответственно, несколько подмножеств норм — разностей, остающихся после этого. Лишь в наиболее простых случаях, наподобие нашего примера, редко встречающихся в реальной практике, можно установить единственное удаляемое подмножество и единственную разность. В большинстве случаев потребуются дополнительные формальные инструменты, например, функция выбора разности или выбора пересечения разностей [Альчуррон, Герденфорс, Макинсон, 2013].

ходных дня, когда этой обязанности нет. На третьем этапе он может добавить в кодекс обновленные нормы Π_21 и Π_22 :

Π_21 *Обязательно исполнять поручения 6 дней в неделю, с понедельника по субботу (Петр, Абрам)*

Π_22 *Позволено отдыхать и выпивать по воскресеньям (Петр, Абрам)*

Проверка прямой совместимости норм в обновленном кодексе осуществляется при помощи операции взятия следствий на множестве норм, составляющем его. В результате получим новый кодекс $\Pi_2 = \{\Pi_21, \Pi_22, \Pi_13, \Pi_14\}$, а норма M_11 окажется избыточной с точки зрения выполнения норм Абрамом, хотя ее желательно оставить по причине, на которую указывают вторая задача и связанный с ней один из содержательных результатов применения мультиагентной деонтической логики, о чем речь пойдет ниже.

Вторая задача заключается в том, чтобы уточнить, каким образом установлены отношения приоритета между кодексами, и выразить эти отношения формальными средствами. Установление иерархии действующих кодексов норм — это вопрос социально-политического регулирования. В праве это делается в законодательном порядке посредством установления иерархии между нормативными авторитетами — источниками норм, когда отношения подчинения между различными кодексами, законами и прочими правоустанавливающими актами в зависимости от их юридической силы определены правовой системой до принятия самих законов и кодексов. Конституция государства считается наивысшим кодексом норм, которому подчинены кодексы и законы, действующие на всей его территории, и далее региональные и ведомственные законы и акты. Внесение поправок в нормы, содержащиеся в законах того или иного уровня, не влияет на эту иерархию, однако во избежание конфликтов норм требуется согласование по вертикали подчинения одних норм другим и по горизонтали зависимостей между нормами, регулируемыми схожие действия. В праве имеются и иные правила приоритета между отдельными нормами, например, норма, более поздняя по времени принятия, отменяет более раннюю норму, или по степени общности, когда более специальная норма имеет приоритет перед более общей нормой. В сфере моральных норм и ценностей наивысшими считаются нормы, выражающие абстрактные принципы справедливости, добра и зла, которые часто называют универсальными ценностями. За ними следуют конвенциональные нормы, регулирующие социальную жизнь человека и групп людей,

характерные для различных общностей, и далее — личные нормы человека, представляющие собой персональные ценностные ориентиры и правила поведения. В том, каким образом установлена иерархия моральных норм, роль авторитета норм менее важна, чем в нормах права.

Напомним, что прежде чем внести изменения в кодекс Π_1 Петр должен был решить вопрос приоритета между нормами, установленными своими указами, и нормами, содержащимися в распоряжениях Меншикова. Согласно фабуле примера, более высокий статус указов выражается в том, что распоряжения Меншикова не могут их отменить. С формальной точки зрения это значит, что нормы из распоряжений Меншикова могут быть добавлены в кодекс, состоящий из происходящих из царских указов норм, только при условии, что они прошли проверку на прямую и непрямую совместимость. Для норм $\Pi_1 2$ и $M_1 1$ результат этой проверки отрицательный в обоих случаях. Как показано в [Бульгин, 2016], индикатором отношения подчинения между кодексами норм служат дозволяющие нормы.

Суть одной из функций норм, как дозволяющих, так и обязывающих, из которой вытекает, что дозволяющие нормы указывают на иерархию кодексов норм, заключается в том, чтобы трактовать всякую норму как эксплицитное позитивное или негативное ограничение свободы субъекта нормы. Тогда обязывающие нормы — это позитивные ограничения или, что то же самое, негативные расширения, уменьшающие пространство свободы поведения субъекта норм. Иерархия кодексов норм, содержащих обязывающие нормы, разворачивается снизу вверх, так что специальные обязательства, содержащиеся, например, в ведомственном нормативном акте, могут не только конкретизировать более общие обязательства федерального закона, но и расширять их. Меншиков полномочен своими распоряжениями, нижестоящими по отношению к указам Петра, усилить и расширить обязывающие нормы, содержащиеся в царских указах, и тем самым еще больше сузить свободу Абрама, границы которой неявным образом проводит всякое обязательство или запрет, адресованные Абраму.

Дозволяющие нормы — это негативные ограничения, или позитивные расширения пространства свободы субъекта нормы. Иерархия кодексов норм, содержащих дозволяющие нормы, направлена сверху вниз. Поэтому, хотя Меншиков может издать обязывающие нормы, позитивно ограничивающие свободу действий Абрама в дополнение к позитивным ограничениям, введенным указами Петра,

но он не полномочен позитивно ограничить свободу Абрама, выраженную в эксплицитных дозволениях царя. По этой причине обязывающая норма M_1 образует конфликт не непосредственно с обязывающими нормами P_1 и P_3 , но лишь опосредованно, поскольку они обе связаны с дозволяющей нормой P_2 . Если же Меншиков решит позволить Абраму уехать в отпуск на 7 дней, то норма, содержащая такое негативное ограничение, т.е. эксплицитное расширение прав и свобод Абрама, вступит в конфликт с нормой P_1 . Аналогичным образом, права граждан, закрепленные в конституции государства, не могут быть ограничены или отменены подчиненными ей иными законами, изданными нижестоящими нормативными авторитетами, подобное ограничение — это произвол [Ковалевич, Лисанюк, 2014].

Это содержательное решение второй задачи, связанное с функцией дозволяющих норм по упорядочению иерархий кодексов норм от высших по статусу к низшим, пока не имеет формального исполнения в логических теориях нормативных систем (2). Укажем на две перспективы такого формального исполнения. Первая — это гипотеза о «дозволяющих играх» — теоретико-игровых формализмах, пригодных для моделирования дозволяющих норм относительно кодексов норм, элементами которых они являются [Hansen, Pigozzi, van der Torre L., 2007]. Это позволит моделировать упорядочение кодексов норм в зависимости от нормативных авторитетов, издавших кодексы и нормы. Вторая перспектива — это разработка формализма для обновления кодексов норм на основе понятия производного обновления (product update) в динамической эпистемической логике [Baltag, Moss, 2004.] Эта перспектива открывает возможность моделировать иерархии кодексов в зависимости от содержащихся в них норм, служащих индикаторами упорядочения, в данном случае — в зависимости от дозволяющих норм и издавших их нормативных авторитетов.

Таким образом, изучение норм средствами логической теории нормативных систем (2) позволяет определять прямую и непрямую совместимость кодексов норм и уточнять отношения подчинения между ними, что способствует предотвращению возникновения конфликтов норм в процессе их изменения и применения к конкретным случаям.

Перейдем к содержательным результатам в изучении норм логическими средствами, которые можно получить с помощью мультиагентной деонтической логики (3), которую на современ-

ном этапе правильнее будет назвать формализованной мультиагентной деонтической логической теорией. Формальных логических теорий в строгом смысле, содержащих множество теорем — истинных предложений на модели и доказуемых при помощи аксиом и правил данных, в рамках этого направления пока создано не было. Между формальными логическими теориями, к каковым относится деонтическая логика (1), и мультиагентной деонтической логикой (3) есть существенное отличие. Формальные логические теории конструируются на основе базовых логических отношений совместимости и несовместимости, или противоречия, посредством которых моделируется центральное для них отношение логического следования. Любое логическое отношение в такой теории есть отношение между логическими значениями формул — предложений данной теории, и логические значения формулам сопоставляются при помощи формальной модели. В отличие от этого, в мультиагентной деонтической логике (3) простых базовых отношений имеет три, совместимости, несовместимости и неотделимости, и они логически характеризуют двусторонние отношения между агентами непосредственным образом, без обращения к понятию логического значения предложений (формул) и к формальной модели [Лисанюк, 2015]. Вместе с тем, формализованные теории мультиагентной деонтической логики (3) находят применение в ИТ-приложениях для управления взаимодействием агентов в условиях нормативных двух- и много-сторонних ограничений, как показано § 3.2.

Выше уже шла речь о логической связи нормативных отношений *Власть*, *Ответственность*, *Право*, *Не-полномочие*, *Обязанность*, для двучленных множеств агентов {Абрам, Петр}, {Петр, Меншиков}, {Меншиков, Абрам}. Было показано, какие из этих нормативных отношений совместимы, несовместимы или неотделимы применительно к упорядоченным определенным образом парам этих агентов. Одна из задач мультиагентной деонтической логики (3) заключается в том, чтобы определить подобные логические отношения, устанавливаемые для нормативных отношений между агентами — субъектами таких нормативных отношений. Другой ее задачей выступает построение нормативных отношений, более сложных в двух связанных между собой аспектах: между тремя и более агентами, а также состоящих из сочетания двух и более базовых простых нормативных отношений. Рассмотренные выше нормативные отношения относятся к простым и в том и в другом аспектах.

Данная задача является формальной, потому что связь между простыми нормативными отношениями в составе сложного отношения конструируется на основе отношений совместимости, несовместимости или неотделимости, т.е. на основе формальных отношений, несмотря на то что подобная связь чаще всего представлена как содержательное понятие, выражающее определенное юридическое или правовое отношение. Покажем это на нашем примере в связи с понятием ограничения властных полномочий для двучленного множества агентов {Меншиков, Абрам}.

Дозволение Петра Абраму отдыхать и выпивать по выходным дням, содержащееся в норме $\Pi_1 2$, ограничивает посредством *Привилегия* (Абрам, Меншиков) нормативное отношение *Власть* (Меншиков, Абрам), возникающее в силу того, что Петр уполномочил Меншикова руководить Абрамом, что подразумевает неотделимость для Абрама подчиняться Меншикову. Нормативное отношение *Власть* (Меншиков, Абрам) выражается в том, чтобы требовать от Абрама исполнения всех распоряжений Меншикова, и поэтому отношение *Власть* (Меншиков, Абрам) неотделимо от отношения *Ответственность* (Абрам, Меншиков). *Ответственность* (Абрам, Меншиков) распространяется на все поручения Меншикова Абраму, за исключением действий Абрама в связи с содержанием нормы $\Pi_1 2$, нашедших выражение в отношении *Привилегия* (Абрам, Меншиков) и неотделимым от него отношением *Отсутствие права* (Меншиков, Абрам). На поступки, связанные с реализацией содержания нормы $\Pi_1 2$ власть Меншикова над Абрамом не распространяется, и в связи со своими действиями, реализующими данное дозволение царя, Абрам не несет ответственности перед Меншиковым. Таким образом, неотделимые друг от друга отношения *Власть* (Меншиков, Абрам) и *Ответственность* (Абрам, Меншиков) определены на множестве всех распоряжений Меншикова, требующих определенных действий Абрама, за исключением тех действий Абрама, на которые в силу $\Pi_1 2$ распространяются *Привилегия* (Абрам, Меншиков) и *Отсутствие права* (Меншиков, Абрам). Похожим образом можно построить понятие ограничения полномочий на множестве {Петр, Меншиков}, связанное с тем, что делегирование властных полномочий от Петра к Меншикову исключает Петра из подчиненных Меншикова.

Содержательные выводы моделирования поведения рационального агента в условиях норм в аспекте (4) позволяют выявить различные паттерны планирования действий. Наш пример ил-

люстрирует два из них, детерминистический и индетерминистический, и делает это применительно к двум возможным предпочтениям в поведении Абрама, о которых уже шла речь. Индетерминистические модели используются в агент-ориентированных формальных теориях, включая логику действий и эпистемическую логику [Микиртурмов, 2006: 288], [Нечитайлов, 2008]. Разумно предположить, что наиболее лояльный агент — это тот, кто стремится исполнить все нормы, не нарушив ни одной, а если последнее недоступно, как в случае с Абрамом Ганнибалом, то свести нарушения норм к минимуму [Лисанюк, 2014]. Норма P_2 , представляющая собой дозволение, выполняется во всех трех линиях поведения Абрама АА, АВ и АВ, о которых шла речь выше. Напомним, что субъект дозволяющей нормы не может ее нарушить, потому что он волен воспользоваться содержащимся в ней дозволением или не воспользоваться им, при этом и в том и в другом случае он действует в соответствии с дозволяющей нормой. С точки зрения лояльности Абрама наиболее предпочтительна линия АА, где Абрам все нормы выполняет.

Если же Абрам не готов пожертвовать субботой как выходным днем и предпочитает отдых и выпивку лояльности царю или Меншикову, что равнозначно отказу от АА, то, поскольку нормы P_3 и M_1 вместе Абраму выполнить невозможно, постольку, как уже говорилось, ему придется выбрать между линиями поведения АВ и АВ. На схеме 1 альтернативные линии поведения изображены относительно выполнения нормы M_1 , на схеме 2 — относительно нормы P_3 . Нетрудно заметить, что если Абрам предпочитает лояльность царю, то иерархия его линий поведения такова: АА > АВ > АВ; если же верх возьмёт соображение в пользу лояльности Меншикову, то АА > АВ > АВ.

Выбор линии поведения Абрам осуществляет в трёх временных точках T_1 , T_2 и T_3 . В аспекте нормальных деонтических систем, опирающихся на детерминистические модели поведения, у Абрама нет никакой иной альтернативы поведения, кроме АА, где выполняются все нормы. Индетерминистическая, или делиберативная, модель подразумевает, что всякое выполнение нормы является также сознательным отказом от ее нарушения, поэтому у рационального агента всегда имеется альтернатива выполнению нормы, что ведет к появлению линий АВ и АВ, для логического моделирования которых подходят слабо-нормальные деонтические логики, а нормальные деонтические логики непригодны.

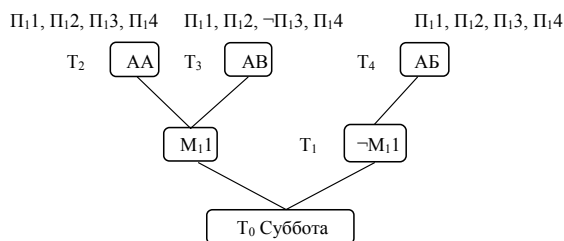

Схема 1. Линии поведения Абрама Ганнибала относительно выполнения нормы M_1 .

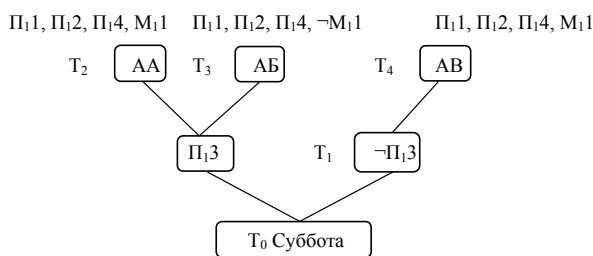

Схема 2. Линии поведения Абрама Ганнибала относительно выполнения нормы Π_3 .

Подведем итоги обсуждения логических теорий норм. Мы выделили четыре группы логических теорий, исследующих нормы в том или ином аспекте. Наиболее абстрактный подход к нормам — в деонтической логике (1), где под нормой понимают разновидность оценки действия или ситуации. Деонтическая логика является чистой логической теорией норм. Логические теории (2) — (4) — это прикладные теории, развивающие понятие нормы из деонтической логики (1) в том или ином аспекте широкого философского понятия нормы. Логические теории нормативных систем исследуют это понятие в связи кодексами норм (2), мультиагентные деонтические логики — в связи с нормативными отношениями между агентами, а логические теории поведения агентов в условиях норм (4) — в агент-ориентированной

перспективе. Любую из логических теорий норм (1) – (4), а также их совокупность можно называть логикой норм, если иметь в виду широкое философское понятие нормы, а также то, каждая из них устанавливает логические отношения между формулами, описывающими предметную область, связанную с применением норм. Однако ни одна из них не является логикой норм в узком смысле формальной логической теории норм, т.е. не может считаться логикой норм в том смысле, в каком мы говорим о пропозициональной, интуиционистской или алетической модальной логике.

Литература

1. Альчуррон К.Э., Макинсон Д. Иерархии правил и их логика. Пер. с англ. А.Е. Гомановой, Е.Н. Лисанюк // *Нормативные системы и другие работы по философии права и логике норм* / Под ред. Е.Н. Лисанюк. Изд. Дом СПбГУ, 2013. С. 262–284.
2. Альчуррон К., Булыгин Е.В. (2013b) Экспрессивная концепция норм / Пер. с англ. А.Е. Гомановой, Е.Н. Лисанюк // *«Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм* / Под ред. Е.Н. Лисанюк. Изд. Дом СПбГУ, 2013. С. 234–261.
3. Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В. (2013a) Нормативные системы / Пер. с англ. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк // *«Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм* / Пер. с англ., нем., исп. Под ред. Е.Н. Лисанюк. Изд. Дом СПбГУ, 2013. С. 44–210.
4. Альчуррон К.Э., Герденфорс П., Макинсон Д. Логика теории изменения: функции ревизии и сокращения через частичное пересечение / Пер. с англ. Д. Тискина // *«Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм* / Под ред. Е.Н. Лисанюк. Изд. Дом СПбГУ, 2013. С. 318–343.
5. Антонов М.В. Несколько вводных слов о «действенности права» Е.В. Булыгина // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2016. № 4 (327). С. 6–15.
6. Булыгин Е.В. Дозволяющие нормы и нормативные системы / Пер. с англ. А.Е. Гомановой, Е.Н. Лисанюк // Булыгин Е.В. *Избранные работы по теории и философии права* / Пер. с англ., нем., исп. Под ред. М.В. Антонова, С.И. Максимова, Е.Н. Лисанюк. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 89–98.
7. Гайдамакин А.А. Хофельдовская аналитика: история, оценки, перспективы // *Основные юридические понятия Уэсли Н. Хофельда* / Сост. и пер. с англ. А.А. Гайдамакина. Под ред. М.В. Антонова. СПб.: «Алеф-Пресс», 2016.

8. Ивин А.А. Логика норм. М.: Изд-во МГУ, 1973.
9. Караваев Э.Ф. Еще раз о трудностях построения деонтической логики // Логические исследования. 2005. № 12. С. 170–181.
10. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Пер. А.В. Кезина // Вестник Московского университета Сер. 7. Философия. № 6. 1993.
11. Карпов Г.В. (2015) Императивы в stit-подходе // Логические исследования. 2015. Т. 21. № 2. С. 78–106.
12. Кислов А.Г. (2013) Динамический подход к деонтической логике: семантика нормативных операторов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13. № 3. С. 20–37.
13. Ковалевич О.С., Лисанюк Е.Н. Принципы деонтической логики действий А.С. Есенина-Вольпина // Логико-философские штудии, Вып. 12 (2014). Изд-во СПбГУ, 2014. С. 117–131.
14. Лисанюк Е.Н. (2010b) Развитие представлений о нормах в деонтической логике // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Философия. Т. 8 (2010). Вып. 1. С. 147–152.
15. Лисанюк Е.Н. (2010a) Деонтическая логика // Логика. Учебник / Под ред. А.И. Мигунова, И.Б. Микиртумова, Б.И. Федорова. М.: Проспект, 2010. С. 377–424.
16. Лисанюк Е.Н. (2014) Лояльный агент и отменяемость в деонтической логике // Известия УрФУ. Сер. 3. Общественные науки. Т. 1 (125). 2014. С. 32–44.
17. Лисанюк Е.Н. У. Хофельд и Л.Петражицкий о нормативных отношениях и нормах // Известия вузов. Правоведение 2015. № 1 (318). С. 112–134.
18. Микиртумов И.Б. (2006) Теория смысла и интенциональная логика. Изд-во СПбГУ.
19. Нечитайлов Ю.В. (2008) К разнообразию представления ментальных свойств агентов в эпистемической логике // Логико-философские штудии. Вып. 6. С. 23–30.
20. Ольховиков Г.К. (2009) К вопросу о возможности редукции состояний дел к действиям: анализ логик Lo и $L1$ // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2009. № 5. С. 53–67.
21. Петражицкий Л.И. (2010) Очерки философии права (1900–1903) // Петражицкий Л.И. Теория политики и права: избр. тр. / Науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб., 2010. 1104с. С. 245–379.
22. Поляков А.В. Общая теория права. СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2004.
23. Alchourrón, С.Е. (1969) 'Logic of Norms and Logic of Normative Propositions', *Logique et Analyse* 12, 242–268.
24. Åqvist L. (2002) "Deontic Logic", in Gabbay, D.M., Guenther, F. (eds.) *Handbook of Philosophical Logic*, Springer Netherlands, 147–264.
25. Baltag, A., L.S. Moss, 2004, "Logics for epistemic programs", *Syn-*

- these, 139(2): 165–224. doi:10.1023/B:SYNT.0000024912.56773.5e
26. Boella, G. G. Pigozzi, and L. van der Torre. 2009. Five guidelines for normative multiagent systems. In JURIX, Rotterdam, 21–30.
  27. Hansen J., Pigozzi G., van der Torre L. (2007) Ten Philosophical Problems in Deontic Logic // Dagstuhl Seminar Proceedings 07122 Normative Multi-agent Systems URL: <http://drops.dagstuhl.de/opus/volltexte/2007/941>.
  28. Hohfeld, W.N. Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning, Yale University Press (1946). The article appeared earlier at 26 Yale Law Journal 710 (1917).
  29. Horty, J (2001) Agency and Deontic Logic, Oxford, New York: Oxford University Press.
  30. Jan Woleński, « How deontic logic contributes to the analysis of legal systems », Revus, 29 | 2016, 119–122.
  31. Jørgensen, J. (1938) “Imperatives and logic”, Erkenntnis 7, 288–98.
  32. Lindahl L. Position and Change. Springer, Dordrecht Reidel, 1977.
  33. Lindahl L., Odelstad J. (2013) The theory of joining systems // Handbook of Deontic logic and Normative Systems, Vol. 1. Gabbay, D., Horty, J., Parent, X., van der Torre, L. (ed.) London: College Publication, pp. 545–589.
  34. Lorini E., Demolombe R. From Trust in Information Sources to Trust in Communication Systems: An Analysis in Modal Logic. KRAMAS 2008: 81–98
  35. McNamara N. (2010) Deontic Logic // Stanford Encyclopedia of Philosophy, ed. E. Zalta URL: <https://plato.stanford.edu/entries/logic-deontic/> (15.08.2017).
  36. Van Benthem J., Liu F. (2013) Deontic logic and changing preferences // Handbook of Deontic logic and Normative Systems, Vol. 2. Gabbay D., Horty J., Parent X., van der Torre L. (ed.) London: College Publication. (forthcoming, available at URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/7745/48cddcboca7ef18e0a1b3514592a4b5e31a7.pdf> as of 15.08.2017).
  37. Von Wright, G.H. (1991). Is There a Logic of Norms? Ratio Juris 4, 265–283.

Lisanyuk, E.N.

Logical Theory of Norms

Abstract. *The logical theories of norms set out in this paragraph relate to philosophical logic and come in four types: (1) deontic logic that treats norms in an abstract way; (2) logic of normative systems as codes of norms; (3) multi-agent deontic logic of normative relations between agents; and (4) logic of actions with de-*

ontic operators that examines norms in terms of their application as rules of social regulation and in terms of the constraints imposed on the agent's choice of the line of behavior in a certain situation. The most abstract approach to norms is deontic logic, which is a kind of modal logic with normative, or deontic, modalities that are common in moral and legal reasoning. Deontic modals, such as “necessarily”, “allowed” and “prohibited”, indicate the nature of the rule — one of its main structural elements. In deontic logic, norms are understood as a special case of assessments, and expressed in deontic sentences describing situations and actions, taking into account their normative qualification, as mandatory, permissible or prohibited.

In the logic of normative systems, norms are rules and regulations that regulate the social life of people in society. The logic of normative systems studies the features of application of sets of norms to generalized situations and actions of people, for example, how a court decision in a particular case is justified by the existing norms belonging to this normative code. Multi-agent deontic logic does not study situations or actions, but normative relations between rational agents-subjects of such relations as power, responsibility, duty, law, etc. The logic of actions with deontic modalities, or actional deontic logic, is engaged in modeling the behavior of the agent in the conditions of the existence of norms, for example, moral or legal. It is a multi-sorted theory, with special branching graphs depicting the actions of the agent as an alternative line of his behavior, and deontic modalities, interpreted as the constraints on these alternatives. In the strict sense, the purely logical theory of norms is only deontic logic, which studies the peculiarities of the logical sequence relation in the conclusions containing deontic sentences as premises and conclusions. Logic of normative systems, multi-agent deontic logic of normative relations and actional deontic logic for modeling the behavior of rational agents in the conditions of norms are applied theories, they are based on formalisms developed in the bosom of deontic logic. Both the stock deontic logic and the logic of normative systems can be understood as a logical analysis of normative codes or sets of norms. They differ in that the former investigates the rules from the perspective of the participant who decides on their basis, while the latter does so from the perspective of an outside observer of the creation, existence and application of codes of norms. Deontic logic is abstracted from the positions of the observer or participant, and studies the formal relationships between norms through the notions of logical sequence and logical meaning (truth and lie) for deontic sentences expressing norms.

Key words: deontic logic, deontic modality, normative systems, normative relations, multi-agent logic, logic of actions, action logic, agent.

Самохина Екатерина Геннадьевна — кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сатохина Наталья Ивановна — кандидат юридических наук, асс. Национальный Университет Юридическая Академия им. Ярослава Мудрого (Харьков, Украина).

Соболева Анита Карловна — кандидат юридических наук, доцент, доцент, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики.

Чушов Виктор Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских наук и идеологической работы, Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

Чушов Кирилл Викторович — научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

Шуман Андрей Николаевич — кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии и когнитивистики, Университет информатики и управления (Жешув, Польша).

Оглавление

Введение (Е.Н. Лисанюк)	3
-------------------------------	---

Глава I АРГУМЕНТАЦИЯ МЕЖДУ РАССУЖДЕНИЕМ И ДЕЙСТВИЕМ

Действие, норма и ценность в практической аргументации (Е.Н. Лисанюк, Санкт-Петербург)	9
Обоснование прав человека (С.И. Максимов, Н.И. Сатохина, Украина)	37
Аргументология в морали и праве (В.И. Чуешов, К.В. Чуешов, Беларусь)	47
Аргументация и нравственный конфликт (В.Ю. Перов, И.Ю. Ларионов, Санкт-Петербург)	59
Норма, коммуникация, творчество (И.Д. Невважай, Саратов)	89
Феномен аргументации в современном обществе (А.А. Лазаревич, Беларусь)	118

Глава II АРГУМЕНТАЦИЯ В ПРАВЕ

Формализм и аргументация в российской судебной практике (М.В. Антонов, Санкт-Петербург)	138
Юридическая аргументация (А.К. Соболева, Москва)	159
Легитимность и юридическая аргументация (В.В. Денисенко, Воронеж)	183
Коллизии в праве и их разрешение (В.В. Денисенко, Воронеж)	198
Обоснование по аналогии в конституционно-правовых спорах (П.Д. Блохин, Санкт-Петербург)	212

Глава III

ЛОГИКА НОРМ В АРГУМЕНТАЦИИ

Логическая теория норм (Е.Н. Лисанюк, Санкт-Петербург)	225
Семантика норм (А.Г. Кислов, Екатеринбург)	255
Логические аспекты обоснования в праве (Е.Н. Лисанюк, С-Петербург)	283
Рефлексивные игры в правовой аргументации (А. Шуман, Польша)	302

Глава IV

СТАНОВЛЕНИЕ АРГУМЕНТАЦИИ В ПРАВЕ

Аргументация в «праве ученых» стран Западной Европы Средневековья и раннего Нового времени (Д.Ю. Полдников, Москва)	321
У. Хофельд и юридическая аргументация (А.А. Гайдамакин, Омск)	343
Язык, логика и аргументация в аналитической философии права (Г.Л.А. Харт) (С.Н. Касаткин, Самара)	373
Идея риторического знания в герменевтической философии права (Н.И. Сатохина, Украина)	396
Неориторика и аргументативная теория права (Е.Г. Самохина, Санкт-Петербург)	412

Глава V

СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ АРГУМЕНТАЦИИ В МОРАЛИ И ПРАВЕ

Дело Маркина: легитимация правового института и аргументация его решений (И.Б. Микиртумов)	431
Моральная ответственность и нормативность: «казус Брейвика» (В.Ю. Перов)	459
Формализация споров о законодательных инициативах в виде практической аргументации (Г. Праккен, Нидерланды; Перевод Т.А. Крюковой, Е.Н. Лисанюк, К.Г. Фролова)	468
Протагор и Еватл? (Е.Н. Лисанюк)	491
Сведения об авторах	515

Аргументация в праве и морали

Коллективная монография

Под редакцией Е.Н. Лисанюк

Генеральный директор Н.А. Исаев

Подписано в печать с готового оригинал-макета 24.10.2018 г.
Формат 60х90 1/16, печать офсетная.
Усл. печ. л. 32,43. Тираж 1000 экз. Заказ № 269.

ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс».
199155, г. Санкт-Петербург, проспект КИМа, д. 11, к. 44.
www.alef-press.org
тел.: +7(919)200–20–20
E-mail: nikolajisaev@yandex.ru